

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.001

УДК 94(470)"17/19":39 (091)

ББК 63.529(235.5)

И.Р. АТНАГУЛОВ

**ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ФАКТОР ГЕНЕЗИСА ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: НАГАЙБАКСКИЙ
ЭПИЗОД XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА**

I.R. ATNAGULOV

**THE STATE-ADMINISTRATIVE FACTOR
OF THE GENESIS OF ETHNIC IDENTITY:
NAGAYBAKS EPISODE OF THE XVIII – EARLY
XX CENTURY**

Дан краткий анализ этнической карты Среднего Поволжья и Приуралья, сложившейся к началу XX в. Обращено внимание на появление новых идентичностей и их дальнейшие судьбы. Среди прочих на сегодняшний день в наибольшей степени сохранили и транслируют оригинальную этническую идентичность нагайбаки, поэтому данная группа является удобным материалом для изучения подобных процессов. Целью статьи является оценка степени участия государственного (военно-административного) аппарата в процессе формирования новых идентичностей в волго-уральском регионе. Корпус источников представлен опубликованными документами XVIII–XX вв. под авторством П.И. Рычкова, И.Г. Георги, М.А. Круковского и др., а также материалами переписей населения 1926, 2002, 2010 и 2020 гг. Появление новых идентичностей в регионе связано с усилившимися после 1552 г. миграционными процессами — стихийными народной и государственной колонизациями. Задачей последней было социальное строительство новых территорий. Результатом христианизации стали новые идентичности: кряшены, восточные маришцы, закамские удмурты, некрещенные чуваша, чуваша-мусульмане. В процессе сословного строительства возникли тептяри, мешчеряки и нагайбаки, расселенные по административному делению казачьих войск. Именно эти три группы в 1897 и 1926 гг. были выделены как отдельные идентичности. Из перечисленных только нагайбаки в своей истории были подвержены государственному влиянию трижды: христианизации, обращению в казачество и объединению в составе Нагайбакского района. Эти события и заложили в фундамент нагайбакской идентичности три опорных точки — конфессиональную, сословную и этническую.

A brief analysis of the ethnic map of the Middle Volga region and the Urals, formed by the beginning of the XX century, is given. Attention is drawn to the emergence of new identities and their future destinies. Among others, today the Nagaybaks have preserved and broadcast the original ethnic identity to the greatest extent, so this group is a convenient material for studying such processes. Assessment of the degree of participation of the state (military-administrative) apparatus in the process of forming new identities in the Volga-Ural region. The corpus of sources is represented by published documents of the XVIII–XX centuries under the authorship of P.I. Rychkov, I.G. Georgi, M.A. Krukovsky, etc., as well as materials of the population censuses of 1926, 2002, 2010 and 2020. The emergence of new identities in the region is associated with the migration processes that intensified after 1552 — spontaneous national and state colonization. The task of the latter was the social construction of new territories. The result of Christianization were new identities: Kryashens, Eastern Mari, Zakamskiy Udmurts, unbaptized Chuvash, Muslim Chuvash. In the process of estate construction, Teptyars, Meshcheryaks and Nagaybaks appeared,

settled according to the administrative division of the Cossack troops. These three groups were singled out as separate identities in 1897 and 1926. Of these, only the Nagaybaks in their history were subjected to state influence three times: Christianization, conversion to the Cossacks and unification as part of the Nagaybak district. These events laid the foundation of the Nagaybak identity with three reference points — confessional, class and ethnic.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этническая история, политическая история, идентичности, нагайбаки, русские.

KEY WORDS: ethnic history, political history, identities, Nagaybaks, Russians.

ВВЕДЕНИЕ. В этнической истории Северной Евразии за прошедшее тысячелетие определяющая роль принадлежала славяно-тюрко-финноугорским контактам, особенно славяно-тюркским взаимодействиям — военным, политическим, экономическим, культурным, этническим и прочим. После присоединения к Русскому государству территорий Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири эти процессы получили дальнейшее развитие. Включение народов тюркской — башкир, татар и чувашей, а также финноугорской групп — мордвы, марийцев, удмуртов, коми-зырян и пермяков значительно усложнило этнический состав населения России. Вместе со стихийным русским крестьянским освоением на новых землях шел процесс государственного строительства.

Результатом этого, к рубежу XIX–XX вв. стала новая этническая карта региона. Во-первых, изменилась конфигурация расселения народов. Например, в Южном Приуралье на местах бывшего сплошного расселения башкир появились анклавные и сравнительно большие территории с русским, татарским, чувашским, мордовским, марийским и удмуртским населением. Во-вторых, в результате русских влияний и межэтнических контактов появились новые идентичности — кряшены, нагайбаки, мещеряки, тептяри, каратаи, закамские удмурты, восточные марийцы своеобразные группы чувашей Западного Приуралья — некрещеные и мусульмане. Некоторые из них, перечисленные выше группы удмуртов, марийцев и чувашей, сохранив оригинальные черты культуры, при этом не утратили общенациональное самосознание. Другие — кряшены, нагайбаки, мещеряки и тептяри выработали собственные культурные комплексы, отчетливо выраженное самосознание и различными наблюдателями воспринимались уже как отдельные народы, статус которых был отражен в материалах переписей 1897 и 1926 гг.

ЦЕЛЬ статьи — оценка степени участия государственного (военно-административного) аппарата в процессе формирования новых идентичностей в волго-уральском регионе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Корпус источников представлен опубликованными документами XVIII–XX вв. под авторством П. И. Рычкова, И. Г. Георги, М. А. Круковского и др., а также материалами переписей населения 1926, 2002, 2010 и 2020 гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Перепись 1897 г., как известно, фиксировала идентичность лингвистическую, которая в соответствии с культурно-языковой ситуацией того времени вполне отражала реальную этническую картину. Среди прочих тюркских народов Южного Приуралья с языками чувашским, татарским и башкирским были отмечены группы с языками тептярским и мещерякским [13, с. X]. В материалах переписи 1926 г., уже как отдельные народы, были зафиксированы мишари, кряшены, нагайбаки и тептяри [14]. В настоящее время тептяри и мишари Южного Урала транслируют татарскую, отчасти башкирскую идентичности, помня, вместе с тем, о своей бывшей принадлежности. Кряшены и нагайбаки сохранили собственные самоназвания и осознание отличной от татар этнической принадлежности. Среди кряшен этот параметр имеет разные степени актуализации. Кряшены Республики Татарстан транслируют скорее амбивалентную идентичность, кряшены других регионов проявляют стремление к этнической сепарации. В наибольшей степени это проявилось среди нагайбаков — группы, сформировавшейся в XVIII в. на базе кряшен Уфимской провинции, переведённых в казацье сословие [1, с. 218–261].

Представляет научный интерес вопрос формирования и развития новых идентичностей. Нагайбаки, в отличие от прочих групп, сложившихся по тем же причинам и в тех же условиях, к настоящему времени в наибольшей степени сохранили оригинальный комплекс этнокультурных черт и собственное этническое самосознание. Поэтому история нагайбаков является весьма удобным материалом для изучения подобных процессов.

Целью статьи является определение степени участия государственного (военно-административного) аппарата в процессе формирования новых идентичностей в волго-уральском регионе на материале истории формирования нагайбаков. Глубину изученности этнической истории региона, и нагайбакской идентичности в частности, отражает корпус источников и литературы, накопленный со второй половины XVIII в. по настоящее время. Это материалы, содержащиеся в книгах, написанных в XVIII — начале XX вв. П.И. Рычковым [9, с. 206–207], И.Г. Георги [4, с. 75–84]¹, Ф.М. Стариковым [10, с. 191–249], М.А. Круковским [8, с. 261–268]² и др., в первой трети XXI в. — в монографиях И.Р. Атнагулова [1] и С.Ю. Белоруссовой [3], а также коллективной монографии, посвящённой истории кряшен [6]. Кроме того, за весь период изучения вопроса был опубликован ряд статей в научных сборниках и периодических изданиях. Проблемы генезиса, изменчивости и диагностики идентичностей рассматриваются в работах зарубежных — Б.Андерсона [15], Ф.Барта [16], Э.Геллнера [17], Э.Хобсбаума [18], российских — В.А. Тишкова [12], М.Н. Губогло [5], и многих других авторов.

Методологической основой исследования является комплекс подходов, базирующихся на разных концептуальных платформах, сочетающих как примордиалистское, так и конструктивистское понимание феномена этноса. Позиция автора заключается в том, что оба методологических подхода не являются взаимоисключающими, а их эффективное применение там, где это оправдано, является продуктивным. В частности, при решении проблем изучения истории, связанных с интересующими нас генезисом и трансформацией идентичностей.

Генезис нагайбакской идентичности происходил под воздействием двух, задавших ее параметры формообразующих — административной и социокультурной. Ее параметрические характеристики определяются тремя измерениями, возникшими в строго последовательной хронологической последовательности и в соответствии с внутривнутриполитическими реалиями соответствующих периодов становления нагайбакской идентичности — конфессиональной, социальной и этнической. Все три показателя вплоть до настоящего времени составляют структуру нагайбакской идентичности. Каждый из них в разные периоды истории народа являлся доминантным (Таблица 1).

Таблица 1. Структура идентичностей нагайбаков в динамике.

1552-1736	1736-1843	1843-1926	1926 - наст. время
Крещёные татары в составе волго-уральских татар	Сословие казаков в составе уфимских крещёных татар	Этническая группа в составе Оренбургских казаков	Народ в списке национальностей СССР и России
Доминантные идентичности			
Конфессиональная	Сословная в сочетании с конфессиональной	Этническая в сочетании с сословной и конфессиональной	Этническая

Конфессиональный параметр

Основы конфессиональной идентичности нагайбаков стали закладываться во второй половине XVI в., когда новый политический режим принудительно обращал в христианство

¹ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч II. О народах татарского племени. СПб.: Изд-во К.В. Миллера, 1776.

² Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М.: Издание К.И. Тихомирова, 1909.

население бывшего Казанского ханства. Эта акция задала вектор развития этнической истории в регионе на многие столетия вперед. Как известно, процесс христианизации финноугров и тюрок Волго-Камья, привел к разным результатам. Часть татар, принявших православие, эволюционировала в несколько территориально разрозненных и весьма самобытных по культуре групп — молькеевских, елабужских, бакалинских и других кряшен. Общее самоназвание — конфессионим *керәшён* (мн.ч. — *керәшеннәр*) (от русск. «крещёный», «крещён») постепенно стал этнонимом, что и было зафиксировано в материалах переписей населения 1926, 2002, 2010 и 2020 [14] гг. Дискуссия о легитимности использования его в качестве этнонима своего кульминационного момента достигла накануне первой постсоветской переписи населения в 2002 г. Сами кряшены по-разному транслируют собственную этническую идентичность — от амбивалентной (татарско-кряшенской) до исключительно кряшенской. Последняя характерна, в основном, для кряшен, проживающих за пределами Татарстана.

Первыми событиями, последствия которых привели к возникновению субстрата нагайбаков были акции по христианизации поволжских татар во второй половине XVI в. В XVII в. в результате нескольких волн переселений казанских татар на восток одна из групп кряшен оказалась в нескольких деревнях между Уфой и Мензелинском. В первой трети XVIII в. произошла вторая волна массовой христианизации, в результате которой к кряшанам Уфимской провинции примкнула часть новокрещенных чувашей, удмуртов и, возможно, марийцев [9, с. 206–207]. В то время все они фиксировались как новокрещенные и старокрещенные [9, с. 206–207]. По свидетельству П.И. Рычкова новокрещенные вместе со старокрещёнными составляли население одних и тех же деревень. Общим у них было самоназвание-конфессионим (см. выше), усвоенное очевидно извне. Таким образом, государственная политика по сближению народов Поволжья и Приуралья с русскими через принудительную христианизацию привела к появлению новой идентичности с особым комплексом культурных черт.

Сословный параметр

Дальнейшие действия государства в регионе были направлены на территориально-административное и военное устройство региона. Вместе со строительством сетки населенных пунктов во вновь образованной Оренбургской губернии, формировалось ее население. Одной из главных задач государства было обеспечение безопасности в приграничном регионе, в том числе подавление башкирских восстаний и защита от набегов из степи. Оренбургское казачье войско создавалось как из русского, так и из инородческого населения. Указом Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. в число казаков были переведены ясачные крещеные татары, для которых сразу же была срублена крепость Нагайбацкая³, по наименованию которой эта группа получила новое название. Казаки-нагайбаки были организованы в крепости и нескольких деревнях вокруг нее. Войсковое начальство, беспокоясь о влиянии со стороны мусульманского населения старалось православных татар-казаков селить вместе с единоверцами [7, с. 9].

С 1798 г. по инициативе губернатора О.А. Игельстрома и указу императора Павла I все казачье население Оренбургской губернии получило новую систему территориально-административного устройства — кантонную. Казаки-мусульмане (башкиры и мещеряки) были объединены в собственные кантоны, составлявшие отдельное Башкиро-мещеряцкое войско. Казаки-нагайбаки вошли в состав III кантона, в котором находились, также и казаки-русские. Такая последовательно проводимая сегрегация, безусловно, оказала влияние на дальнейшее развитие нагайбакской идентичности. В период с 1736 по 1843 гг. в ее структуре доминирующими были конфессиональный и сословный параметры (Таблица 1). С татарами-мусульманами они говорили на одном языке, и даже сохраняли множество общих культурно-этнографических черт, но при этом православное вероисповедание и принадлеж-

³ О происхождении названия крепости см. Рычков П.И. Указ. соч. Ч. II. С. 205.

ность к казачеству являлись главными идентификационными признаками, отличавшими их от татар иных сословий, в том числе крещеных.

Этнический параметр

Следующей масштабной государственной реформой в территориальном устройстве губернии было создание, так называемой Новой линии казачьих поселений восточнее р. Урал. Казаков внутренних уездов губернии, в том числе всех нагайбаков, переселили в юго-восточную степную часть региона. Вектор дальнейшей истории развития нагайбакской идентичности, как и прежде, определялся решениями Правительства и войскового командования. На новом месте их селили отдельными моноэтническими поселками, расположенными поблизости друг к другу, но в окружении русских казачьих поселений. Каждый нагайбакский поселок входил в состав разных станичных юртов с русским начальством. Кроме того, соседями нагайбаков теперь стали казахи нескольких родов Младшего и Среднего Жузов. Таким образом, этническим окружением нагайбаков стали теперь почти исключительно русские и казахи. Русские казаки, несмотря на общую сословно-конфессиональную принадлежность, воспринимали их как другой народ, со своим языком и оригинальными этнографическими чертами. Между нагайбаками и казахами, не смотря на языковое родство, существовала социальная дистанция по причине той же сословно-конфессиональной принадлежности. Перечисленные обстоятельства дали импульс развитию у нагайбаков этнической идентичности. К концу XIX — началу XX в. она сочеталась и конкурировала с профессиональной и сословной. Свидетельством тому является ряд публикаций того времени, где фиксируется нагайбакская идентичность, а для непосвящённого читателя делается уточнение: «нагайбаки — крещёные татары-казаки Оренбургской губернии» [2, с. 165] и т.п. Этническая идентичность теперь является доминантной в сочетании с профессиональной и сословной (Таблица 1).

Кульминационным моментом в формировании этнической идентичности становится включение нагайбаков в список народов СССР в 1926 г. и вслед за этим создание Нагайбакского района в 1927 г. Советское государство, ликвидировав сословия и проводя атеистическую политику, создало благоприятные условия для усиления этнического параметра нагайбакской идентичности, который с этого времени становится доминантным окончательно. Даже формальная замена в 1930-х гг. этнонима «нагайбак/нагайбачка» в переписных документах и паспортах на «татарин/татарка» не повлияла на этническое самосознание народа. Подтверждением чему являются результаты переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. (Таблица 2).

Таблица 2. Численность нагайбаков по переписям населения [14]

Переписи населения по годам	1926	2002	2010	2020
Численность нагайбаков (человек)	10949	9600	8148	5719

В 1930-х гг. происходила ликвидация, созданных ранее национальных районов и сельсоветов для малочисленных народов РСФСР, например, вепсов, шорцев и др. По какой-то причине Нагайбакский район не был ни ликвидирован, ни переименован. Созданием данного административно-территориального субъекта государственная власть легитимировала нагайбакскую этническую идентичность. У народа появилось ощущение этнической родины в пределах конкретных, законодательно утвержденных географических границ. Не случайно в начале 1990-х гг., на пике «этнического ренессанса» лидер нагайбакской общественности, ветеран Великой Отечественной войны, основатель и директор районного историко-краеведческого музея А.М. Маметьев обращался за поддержкой к верховным властям страны, сначала лично к Р.Н. Нишанову, затем Р.Г. Абдулатипову. Нагайбаки — народ, возникший в результате государственных проектов XVIII–XX вв. по социальному строитель-

ству, состоявший на государственной службе, верный военной присяге и политическому руководству страны, особенно остро осознавал необходимость поддержки факта наличия собственной этнической идентичности со стороны властей.

Векторы, определяющие динамику этнической карты Северной Евразии за прошедшее тысячелетие, формировались в процессе славяно-тюрко-финноугорских взаимодействий. Начавшись в эпоху средневековья, они продолжают по настоящее время. Одним из результатов этих процессов стало появление в разное время новых идентичностей — славянских, тюркских и финноугорских по языку и культуре — казачество во всех его этнических вариациях, кряшены, тептяри, мещеряки, нагайбаки, бесермяне, лугово-восточные марийцы, закамские удмурты и прочие. Причинами их появления были как естественные этнические процессы, связанные с миграциями и культурно-хозяйственными контактами, так и деятельность государственно-административного аппарата. Развитие этих идентичностей в XVIII–XX вв. происходило в русле общих социальных процессов, но, по всей видимости, с разной интенсивностью. Одни из них — лугово-восточные марийцы, закамские удмурты, некрещеные чуваш и чуваш-мусульмане, несмотря на культурные своеобразия, сохранили общезнающее самосознание и этнонимы. Другие — кряшены, тептяри, мещеряки и нагайбаки, сохраняя общую с материнским этносом языковую идентичность, к XX в. уже обладали самосознанием собственным. Перечисленные идентичности — это продукты славяно-тюркских (русско-татарских) взаимодействий второй половины XVI — начала XX вв., а история их становления является эпизодом большой исторической картины контактов между индоевропейцами, алтайцами и уральцами за последние примерно два тысячелетия.

Появление новых тюркоязычных (татароязычных) идентичностей в различных социальных и конфессиональных амплуа свидетельствует о высокой степени резистентности поволжских татар, их устойчивости к сменам политических режимов, а сами эти идентичности — это множество модификаций одного народа. Этническая диагностика этих групп дает различные результаты в зависимости от выбора методологической платформы. Онтологический подход в инструментарии примордиализма четко определяет место каждой группы на генеалогическом древе татар [11, с. 24] (татарского этноса, татарской нации и т.п.), обозначая их как субэтноты, этноконфессиональные, этносословные группы и т.д. Он удобен тем, что объясняет историческую преемственность народов и культур, показывает логику событий, повлиявших на генезис той или иной идентичности, привлекает большой фактологический материал. Недостатком данного подхода является проблема в объяснении феномена изменчивости этнического самосознания. Примером тому служат современные обсуждения проблемы кряшен, разворачиваемые в академической, политической и общественной дискурсивных плоскостях. Конструктивистский подход, нередко оппонируя примордиалистскому, предлагает иное теоретическое осмысление феномена этнического, а именно — его способность к трансформациям вплоть до смены самосознания вместе с этнонимом. Такой подход продуктивен при объяснении степени участия и силе воздействия на этнические процессы со стороны государственной власти.

ВЫВОДЫ. Таким образом, появление новых идентичностей на этнической карте волго-уральского региона связано в первую очередь с резко усилившейся динамикой миграционных процессов после 1552 г. Происходило это под воздействием стихийной народной и государственной колонизации региона. Последняя носила системный характер, и одной из её главных задач был социальный дизайн новых территорий, а именно: усиление славянского компонента, христианизация тюрков и финноугров, создание казачьих войск для охраны внешних границ и обеспечения государственной безопасности в приграничных уездах, формирование сетки новых населенных пунктов. Результатом политики христианизации стало появление новых идентичностей: татар-кряшен, восточных марийцев, закамских удмуртов, некрещеных чувашей, чувашей-мусульман. В процессе сословного строительства возникли тептяри, мещеряки и нагайбаки, состоявшие в казачестве, расселенные в строгом

соответствии с административным делением Оренбургского и Башкиро-мещеряцкого войск в восточных уездах Оренбургской губернии. Именно эти три группы переписями 1897 и 1926 гг. были выделены как отдельные идентичности. Из всех перечисленных групп только нагайбаки в своей истории были подвержены государственному влиянию трижды: сначала принудительной христианизации, затем обращению в казачество и в финале — объединению в составе административного Нагайбакского района. Эти события и заложили в фундамент нагайбакской идентичности три опорных точки — конфессиональную, сословную и этническую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атнагулов И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII — начале XXI века: становление и трансформация идентичностей. Челябинск: Абрис, 2018. 436 с.
2. Бектеева Е.А. Нагайбаки (Крещеные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества. Под ред. Ламанского В.И. 1902. Вып. II. С. 165–181.
3. Белоруссова С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2019. 424 с.
4. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч II. О народах татарского племени. СПб.: Изд-во К.В. Миллера, 1776. 188 с.
5. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 736 с.
6. История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.) / Гл. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 960 с.
7. Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки. Отв. ред. Исхаков Д.М. Казань: ИЯИЛ им. Ибрагимова, 1995. С. 9. с. 4–18.
8. Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М.: Издание К.И. Тихомирова, 1909. 311 с.
9. Рычков П.И. Топография Оренбургская то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым / П.И. Рычков. Часть II. СПб: Императорская Академия наук, 1762. 262 с.
10. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1891. 249 с.
11. Татары / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. М.: Наука, 2017. 799 с.
12. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 184 с.
13. Тройницкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб: Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1904. 173 с.
14. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 25.04.2024).
15. Anderson, B. Imagined communities: reflection on the origin and spread of nationalism. London — New York, 2006. 256 p.
16. Barth, F. Introduction. Ethnic Groups and Boundaries. In *The Social Organisation of Culture Difference*, edited by F. Barth. Bergen-Oslo: Universitets Forlaget, 1969. P. 9–38.
17. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford UK & Cambridge USA, 1993. 152 p.
18. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge University Press, 2012. 206 p.

REFERENCES

1. Atnagulov I.R. *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII–XXI vekakh: stanovleniye i transformatsiya identichnostey* [Ethnic history of Nagaybaks in the XVIII–XXI centuries: formation and transformation of identities]. Chelyabinsk: Abris, 2018. 436 s. (In Russian).
2. Bekteyeva Y.A. *Nagaybaki. (Kreshchyenye tatory Oryenburgskoy gubymii)* [Nagaybaks. (Baptized Tatars of Orenburg province)] // *Zhivaya starina*. 1902. Vol. 2. S. 165–181 (In Russian).

3. Belorussova S.Y. *Nagaybaki: dinamika etnichnosti* [Nagaybaks: dynamic of ethnicity]. Saint Petersburg: MAE RAS, 2019. 424 s. (In Russian).
4. Georgi I.G. *Opisanie vseh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov. Chast' II. O narodakh tatarskogo pelmeni*. [Description of all the peoples living in the Russian state. Part II. About the peoples of the Tatar tribe]. Saint Petersburg: Miller K.V. Printing, 1776. 188 s. (In Russian).
5. Guboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti: Etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity: Ethnosociological essays]. Moscow: Nauka, 2003. 736 s. (In Russian).
6. *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI-XX vv.)*. [History and culture of Tatar-kryashens (XVI-XX centuries)]. Ed. R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 960 s. (In Russian).
7. Iskhakov D.M. *Etnodemograficheskoye razvitiye nagaybakov do pervoy chetverti XX v.* [Ethnodemographic development of the Nagaybaks until the first quarter of the 20th century] // Nagaybaks. Kazan: Institute of Language, Literature and History Academy of Science of Republic of Tatarstan, 1995. S. 4–18. (In Russian).
8. Krukovskiy M.A. *Yuzhnyi Ural. Putevye ocherki* [The Southern Urals. Travel essays]. Moscow: Tikhomirov K.I. Printing, 1909. 311 s. (In Russian).
9. Rychkov P.I. *Topografiya Orenburgskaya* [Topography of Orenburg]. P. II. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1762. 262 s. (In Russian).
10. Starikov F.M. *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego voyska* [Historical and statistical sketch of the Orenburg Cossack army]. Orenburg: Breslin B. Printing, 1891. 249 s. (In Russian).
11. *Tatary* [Tatars]. Ed. G.F. Gabdrakhmanova, V.V. Trepavlov, R.K. Urazmanova. Moscow: Nauka Publ., 2017. 799 s. (In Russian).
12. Tishkov V.A. *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkiy Mir, 1997. 184 s. (In Russian).
13. Troynitskiy N.A. *Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. Tom XXVIII. Orenburgskaya guberniya* [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Vol. XXVIII. Orenburg Province]. Saint Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 173 s. (In Russian).
14. *Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Population censuses of the Russian Empire, the USSR, 15 newly independent states]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (data obrashcheniya: 25.04.2024). (In Russian).
15. Anderson B. *Imagined communities: reflection on the origin and spread of nationalism*. London–New York, (1983) 2003. 256 p. (In English).
16. Barth F. *Introduction* // Ethnic Groups and Boundaries. In *The Social Organisation of Culture Difference*, edited by F.Barth. Bergen-Oslo: Universitets Forlaget, 1969. Pp. 9–38. (In English).
17. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford UK & Cambridge USA, (1983) 1993. 152 p. (In English).
18. Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge University Press; Second edition (March 26, 2012). 206 p. (In English).